

А.М. СУНГУРСКИЙ

ПОСЛЕДНИЙ НЕМОЙ СЕАНС

16+

А.М. Сунгурский

Последний немой сеанс

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Последний немой сеанс / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Париж конца 1920-х. Филипп и Вера Турчаниновы снимают маленький кинотеатр. Он чинит проектор и договаривается о прокате, она играет у экрана, а их дочь Лида мечтает о сцене. Ночные сеансы, привередливые зрители, удачные вечера — после долгих лет чужой работы у семьи наконец появляется собственное дело. Но наступает время говорящих картин. Филиппу не терпится освоить новую аппаратуру. Лида надеется однажды услышать с экрана свой голос. Для Веры каждый такой голос означает, что её музыка больше не понадобится. Она сама соглашается поставить звук. И когда дело начинает приносить больше денег, оказывается, что общий успех может достаться каждому по-разному. Как сохранить близость с человеком, рядом с которым больше не находишь себе места?

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пока не погас свет	5
Глава 2. За занавеской	10
Глава 3. Днём зал меньше	16
Глава 4. До подписи	22
Глава 5. Публика знает лучше	28
Глава 6. Часы для опоздавших	33
Глава 7. Чужой рояль	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

А.М. Сунгурский

Последний немой сеанс

Глава 1. Пока не погас свет

Вера играла погоню, когда Филипп погасил экран.

Ещё мгновение назад человек в светлом костюме бежал по крыше вагона, а за ним летела тёмная фигура полицейского; теперь оба исчезли, и быстрые ноты остались одни. Вера успела довести пассаж до нижней клавиши, которая в этом пианино западала, и услышала, как кто-то в третьем ряду сказал:

— Ну, поймали.

Засмеялись негромко. Шум аппарата за её спиной смолк, но зал не осветился. Вера подняла глаза к двум маленьким оконцам под потолком. Из одного уже не бил луч, второе казалось чёрным. Филиппа она не видела. На смену части картины это не походило: беглец оставался посреди крыши, не добежав ни до спасения, ни до надписи.

Вера сыграла ещё несколько тактов, замедлила и закончила так, словно сама решила отпустить полицейского отдохнуть. Тогда сзади щёлкнул выключатель.

Люди проступили из темноты с неприятной для неё внезапностью. Пока шла картина, она знала их по кашлю, шороху одежды, тяжёлому сопению мужчины справа от прохода. Теперь у кашля обнаружилась жёлтая шляпка, у сопения — красная шея. Пожилая женщина в первом ряду перестала незаметно перекаладывать яблоко из одного кармана в другой. Мальчик, лежавший поперёк двух кресел, сел и попытался придать лицу выражение человека, который давно бодрствует.

— Небольшая остановка, — сказала Вера.

Её французское «небольшая» вышло увереннее, чем следовало. В Одессе она не стала бы ничего обещать, пока не спросила аппаратчика. В Париже длинная фраза требовала времени, а молчание уже принимали за приглашение к жалобам.

— В прошлый раз тоже небольшая была, — заметил мужчина с красной шеей. — Я успел жениться.

— Вы тогда за сигаретами выходили, месье Буайе, — ответила женщина с яблоком.

— Я и говорю: зря вернулся.

Смех получился добрее. Вера воспользовалась им, поднялась и пошла по боковому проходу. У самой стены её юбку зацепила откидная доска кресла. Она высвободила ткань, стараясь не дёрнуть: чёрная шерсть была уже дважды перелицована, и ещё одна прореха лишала юбку всех оставшихся возможностей.

В задней части зала стояла Мадлен Пеллетье. Хозяйка «Алуэтт» держала фонарик, которым до начала показа показывала места, и пустой стакан с чайной ложкой. Пианистка, игравшая у неё постоянно, заболела; Филиппа позвали потому, что прежний аппаратчик, родственник Пеллетье, всё чаще забывал, когда должен приходить. Сегодня супруги Турчаниновы в первый раз работали здесь вместе.

— Что у вас? — спросила Пеллетье.

— Сейчас узнаю.

— Он перед началом смотрел копию.

— Да.

— Я сама видела.

Вера не стала защищать осмотр, которого не наблюдала. Пеллетье отступила, пропуская её к двери. За дверью начинался тесный служебный коридор, пахнувший холодной золой и мок-

рой щёткой. Дальше, за другой дверцей, вверх уходила лестница в аппаратную. На первой ступени лежал ящик, который Вера видела ещё днём; теперь она переставила его под стену, чтобы не удариться при спуске, и поднялась.

Филипп уже открыл дверь. В аппаратной было жарко. Он стоял боком к столу, в рубашке без пиджака, и рассматривал конец плёнки через очки, которые надевал только для мелкой работы. Со лба к виску шла светлая полоса пота.

— Старая склейка разошлась, — сказал он по-русски. — Обе кромки плохие. Сейчас.

— Сколько?

— Минуты три. Может, пять.

— Так три или пять?

— Если будешь стоять в двери, шесть.

Она отступила с порога, и он тотчас посмотрел на неё поверх очков.

— Вер, я не гоню. Тут локтем задену. Внизу спокойно?

— Один мужчина за это время жениться успел.

— Поздравь.

Его пальцы продолжали работать. Вера знала эти пальцы лучше собственного лица: большой ноготь с неровной поперечной полосой, тёмную точку у основания указательного, которую не брало мыло. В первые годы брака она ревновала к его умению отвлекаться на вещь посреди самого неприятного разговора. Мог слушать, отвечать и всё-таки видеть над её плечом плохо прикрученную петлю. Потом научилась различать: иногда он спасался работой, а иногда действительно не мог оставить незакреплённое, пока кто-нибудь не поранился.

— Лампа погашена? — спросила она, хотя видела, что свет в аппарате уже закрыт.

— Всё как надо. Не стой здесь из-за этого.

— Я из-за пяти минут.

Он улыбнулся одним уголком рта. Улыбка была усталая, домашняя, и от неё новый, чужой зал внизу на секунду приблизился к Вере.

Она спустилась. Пеллетье ждала за дверью с тем же стаканом.

— Пять минут, — сказала Вера.

— Они захотят деньги обратно.

Из зала донеслось:

— Мадам, пока ваш муж ловит преступника, сыграйте нам что-нибудь без полиции!

Вера посмотрела на хозяйку. Пеллетье пожала плечами, как будто посетитель попросил у неё дополнительную порцию супа, и наконец поставила стакан на край кассовой полочки.

— Только не объявляйте концерта. За концерт они потом пожелают отдельный билет, а за картину — возврат.

Вера вернулась к пианино. Мальчик снова вытянул ноги на соседнее кресло; мать ударила его по колену свёрнутой программкой, и он убрал их с таким страданием, будто она прервала операцию. У пианино одна ножка скамьи была короче остальных. Днём Филипп подложил под неё сложенный картон, но сейчас картон вылез наполовину. Вера задвинула его туфлей и села.

Играть что-нибудь оказалось труднее, чем догонять поезд. У картины были скорость, жест, перемена лица. Без неё люди ждали, что музыка сама придумает, зачем они сидят в душном помещении в пятницу вечером. Вера могла начать вальс, но боялась той вежливой пустоты, которая возникала после третьей известной мелодии в ресторане. Она взяла несколько тихих аккордов, попробовала провести напев, слышанный утром из открытой лавки, и не сразу нашла продолжение.

Женщина с яблоком напела нужный поворот раньше её.

— Вот, — сказала Вера. — Вы помогайте. Я сегодня не всё помню.

Женщина покраснела и отрицательно покачала головой, хотя губы продолжали двигаться. Мелодию подхватили сзади. Вера не знала слов; поставила под голос простой ход баса,

позволила певице замедлиться на конце и удержала паузу. В паузе неожиданно отчётливо прозвенело: кто-то уронил монету. Мальчик нырнул под кресла раньше владельца и вынырнул с пятидесятисантиметровой монетой в двух пальцах.

— Моя, — сказал Буайе.

— Вы сидите в другом ряду.

— У меня широкие возможности.

Монету забрал молодой человек в рабочей куртке. Он поблагодарил мальчика и добавил, что в соседнем ряду ещё одна, если хорошо искать. Мальчик сразу оглянулся; мать схватила его за пояс.

На припеве лампы начали гаснуть. Вера увидела короткую полоску света из аппаратной и, не оборвав мелодию, вывела её в темп, который помнила перед остановкой. Луч лёг на экран. Полицейский вновь бежал по вагону, только теперь успел сократить расстояние до беглеца на два своих размашистых шага. Кто-то свистнул, требуя вернуть пропущенное; остальные зашикали.

Вера оставила песню и подхватила движение картины. Её левая нога нащупала педаль, правая стояла на краю картона, не давая ему вылезти. Под первым же уверенным пассажем она ощутила приятную злость на пианино: сейчас даже его западающий бас не сумеет испортить ей работу.

* * *

После показа Мадлен Пеллетье пересчитывала билеты у кассы. Выходящие огибали её, словно камень в узком ручье. Она каждому отвечала, но пальцы не останавливались.

— В воскресенье будет другая?

— Другая.

— Ваша другая уже была в прошлом месяце.

— Значит, вы знаете, что конец хороший.

Вера стояла у открытой двери зала, держа пиджак мужа. Филипп ещё убирал наверху. Билетный корешок прилип к подошве Вериного ботинка, и она не могла от него избавиться, не выпустив одежду. Буайе заметил, наклонился с неожиданной для его живота лёгкостью и снял бумажку.

— Вы в следующий раз тоже будете?

— Если нас позовут.

— Приходите. Только почаще ломайте.

Он подмигнул и вышел. Женщина с яблоком, которую Пеллетье назвала мадам Рено, задержалась позади него.

— Хорошая была песня.

— Вы её лучше меня знаете.

— Я многое лучше знаю. Только когда петь — всегда забываю.

Она протянула яблоко. Небольшое, жёлтое, с бурой вмятиной на боку.

— Это вам.

— Не стоит.

— У меня лавка. Мне ещё найдётся.

Вера переложила пиджак на одну руку, взяла яблоко и поблагодарила. За спиной Рено стоял мальчик, тот самый искатель монет. Он услышал слово «лавка» и смотрел на яблоко с интересом, которому Вера не доверяла. Рено тоже не доверяла: велела ему идти с матерью и не трогать ничего с уличного лотка.

Когда последнего зрителя выпустили во двор, Пеллетье закрыла одну створку ворот, вторую оставила для Турчаниновых. С улицы Баньоле доносился звон посуды: в кафе напротив

убирали столики, вымытые дождём ещё до закрытия. Октябрьская сырость скапливалась в длинном проходе между домами. На белом квадрате афиши возле ворот тёмный мокрый край загнулся и бился о стену.

Филипп спустился, застёгивая манжету. Он не торопился забирать пиджак, пока не вытер руки куском ветоши. Вера отдала одежду и показала яблоко.

— Гонорар.

— За полицейского?

— За отсутствие полицейского.

Муж забрал яблоко, повертел и положил ей обратно в ладонь. Ей нравилось, что при Пеллетье он не поцеловал её и не стал говорить, как она выручила показ. Похвала хозяйке обходилась бесплатно; сама Вера за сегодняшний вечер хотела получить деньги.

Пеллетье достала конверт. Внутри было семьдесят пять франков, столько, сколько условились за совместную работу на двух показах. Хозяйка не вычла сорванные минуты. Филипп пересчитал купюры, сложил конверт и спросил, когда вернётся её родственник.

— Если бы я знала. Он работает то тут, то там. Везде он оказывается нужнее, чем у меня.

— На воскресенье я могу. Но Вера уже обещала урок.

— Урок можно перенести, — сказала Вера.

Филипп повернулся к ней.

— Ты же говорила, они уезжают.

— В понедельник.

— Вот именно.

Пеллетье убрала оставшиеся корешки в коробку и задвинула крышку с таким стуком, что оба замолчали.

— В воскресенье приходите, если сможете, — сказала она. — Оба. А завтра загляните при свете.

Филипп поднял голову.

— Есть работа?

— Разговор есть. Вы ведь здесь давно?

— Четвёртый год в Париже.

— И всё по чужим вечерам ходите.

Вера почувствовала, что ответит слишком резко, и прикусила внутреннюю сторону щеки. Пеллетье не ждала ответа.

— У меня дочь в Туре, — продолжила она. — Зовёт. Одна я не становлюсь моложе, а мой племянник от этого не становится надёжнее. Зал бросать не хочу. Продать всё за бесценок тоже. Завтра сможете в три?

— Мы пока не собирались брать зал, — сказал Филипп.

— А я пока не предложила вам его взять. В три, месье Турчанинов. Если придёте, я даже зажгу свет.

Она произнесла его фамилию медленно, без единой пропущенной буквы. Вера обратила на это внимание раньше, чем на само предложение. Обычно во французских устах фамилия становилась короче, удобнее, почти другой; Пеллетье запомнила неудобную целиком.

Во дворе Филипп остановился у афиши, прижал отстающий край и провёл по нему ладонью. Бумага тут же отошла снова.

— Оставь, — сказала Вера. — Мы на сегодня уже заработали.

Он убрал руку.

Они вышли на улицу. Дождь кончился, и между облаками открылся кусок неба, светлого от городских огней. По мокрой мостовой тянулись длинные отражения витрин. Филипп взял Веру под руку; его рукав ещё хранил тепло аппаратной.

— Переносить урок не надо, — сказал он. — Если снова придём, я найду кого-нибудь на музыку.

— Ты слышал, что она сказала?

— Слышал.

— И думаешь про воскресенье?

— Думаю, как она решит, будто мы ей уже обязаны, если завтра придём слишком рано.

Вера засмеялась. Он тоже засмеялся, но невесело: за словами Пеллетье уже стояло слишком много такого, чего они прежде избегали называть даже дома. Своя выручка. Свои ключи. Невозможность просто закончить смену и уйти, оставив поломку хозяину.

Возле кафе Филипп остановился, заглянул внутрь и полез в карман.

— Поедим?

— Лида ждёт.

— Яйцо она сумеет сварить.

— Она сварит. Потом съест твои ботинки.

Он посмотрел в сторону окна, где оставался один свободный столик. Вера увидела это движение, усталый взгляд и ту минутную надежду побыть с ней до возвращения в их тесную комнату. Обычно в такой момент она уже перечисляла причины идти дальше. Сегодня положила яблоко в карман пальто.

— Только недолго.

Филипп открыл ей дверь. Внутри было жарко, пахло луком и мокрой шерстью. Хозяин посмотрел на часы, затем указал на свободный столик и сказал, что осталось.

Они взяли одно горячее блюдо на двоих и два стакана вина. Филипп снял пиджак, повесил на спинку стула, потом пересел так, чтобы Вере не дуло от входа. Она позволила ему переставить себя, хотя могла сесть туда сразу. На соседнем столе сохла газета, по углу которой прошла мокрая подошва; кто-то оставил её открытой на объявлениях, и Вера отвернула лист к стене.

— Пять минут? — спросила она.

— Четыре с половиной.

— Врёшь.

— Ты же сама играла. Считай по песне.

Она вспомнила, как женский голос нашёл мелодию, как зал будто чуть придвинулся к пианино. Рассказала мужу про монету. Филипп смеялся с закрытым ртом, стараясь прожевать раньше, чем станет совсем смешно. Потом Вера отобрала у него нож: он собирался нарезать картофель на ровные части, хотя на двоих еды и так было немного.

— Я себе возьму сколько надо.

— Бери.

Он отдал нож, налил ей воды и подвинул тарелку. Под столом Вера сняла правую туфлю. Пока она удерживала носком картон под скамьёй, тесная кожа натёрла большой палец. Филипп заметил движение и, не спрашивая, придвинул свою ногу так, чтобы её стопа не стояла на холодном камне.

Когда они снова вышли, до дома оставалось идти почти полчаса. Вера осторожно ступала правой ногой, выбирая самые ровные камни. Их дочь наверняка не спала. Завтра предстоял разговор, в котором могли назвать сумму больше всего, что они сумели отложить. Но пока Филипп придерживал Веру за локоть, чтобы она не попала каблуком в щель, и она рассказывала ему конец картины — ту часть, которой он из аппаратной не успел толком увидеть.

Глава 2. За занавеской

Лида не спала. Она стояла перед зеркалом в маминой кофточке, повернув ворот назад, и произносила по-французски слова, которых Филипп не разобрал. Увидев родителей в дверях, замолчала, но не стала переодеваться.

— Мы думали, ты уже легла, — сказала Вера.

— Я была голодная. Потом перестала.

На столе стояла тарелка с двумя остывшими яйцами. Одно Лида расколола и оставила в скорлупе, из другого вынула половину желтка. Филипп сразу потянулся к хлебу: по дороге выяснилось, что маленькая порция в кафе помогла ему проголодаться окончательно. Вера посмотрела на тарелку, потом на дочь.

— Ты всё-таки ела?

— Ела. Это вам.

— Мы задержались.

— Я заметила.

Филипп снял пальто, повесил на крючок и протиснулся мимо дочери к столу. Комната была устроена так, что любые два человеческих намерения встречались посередине. Чтобы открыть сундук, надо было убрать стул; чтобы подвинуть кровать Лиды, следовало сначала прижать к стене стол; чтобы пройти за занавеску, за которой спали родители, нужно было попросить сидящего у окна встать. Днём это казалось терпимым. Ночью, когда все трое уставали, у каждого обнаруживался собственный рост, собственные локти и внезапно необходимая вещь в недоступном углу.

Лида отступила к зеркалу.

— Не растяни, — сказала мать, глядя на кофточку.

— У тебя там и так всё растянато.

— Вот именно поэтому.

Филипп скрыл улыбку за хлебом. Вера поставила на стол яблоко, и Лида тут же взяла его. Осмотрела вмятину, откусила с другого бока.

— Хорошо прошло? — спросила она.

— Хорошо, — сказала Вера. — Папа на середине остановил картину, я развлекала публику.

— Я думала, это и так твоя работа.

— Сегодня пришлось ещё и разговаривать.

— Тебе надо выучить, как говорят «сейчас всё будет», чтобы они верили.

Лида произнесла фразу по-французски быстро, с той лёгкостью, которая всегда немного удивляла Филиппа. Она приехала во Францию одиннадцатилетней, сперва в Марсель, потом с ними в Париж. Он ещё покупал хлеб, заранее приготовив ответ на единственный ожидаемый вопрос, а дочь уже успевала спорить, оправдываться и обещать тремя разными голосами. Иногда он просил повторить её оборот, запоминал, пробовал на работе и чувствовал себя человеком, надевшим чужую, слишком узкую шляпу.

— А если не будет? — спросил он.

— Что?

— Всё.

— Тогда ты должен сделать, чтобы было, папа. Иначе зачем ты там сидишь?

Она засмеялась и откусила ещё. Филипп кивнул: возражать было трудно.

У окна висела верёвка с чулками. Лида убрала один, освобождая место локтю, и Филипп заметил на столе лист, исписанный широкими строками.

— Это ты перед зеркалом читала?

— Да.

— Задали?

— Не совсем.

Вера уже расстёгивала кофточку на дочери. Лида подняла руки, позволяя стянуть её через голову, и осталась в лёгком нижнем платье.

— Холодно, надень своё, — сказала мать.

— Сейчас. Это из пьесы. Жанин дала.

Жанин работала вместе с Лидой в швейной мастерской. Ей было восемнадцать, она сама покупала шляпы, знала, в каких местах смеются и в каких слушают, и всюду успевала раньше Лиды. Когда дочь рассказывала о ней, Филипп невольно слышал, сколько его шестнадцатилетняя девочка ещё ждёт, чтобы получить совершенно обыкновенное право выйти из дому по своей надобности.

— Зачем тебе пьеса?

Лида натянула свою кофточку. Волосы застряли под воротом, и мать освободила их двумя быстрыми движениями.

— Там вечером читают. У одной женщины. После работы. Можно прийти послушать.

— Где — там?

— Я принесу адрес.

— Сначала принеси, — сказал Филипп.

— Я потому и говорю, что принесу.

Она отвернулась к зеркалу, но уже не произносила слов. Проверяла, не осталась ли на губах яблочная кожа. Вера сложила свою кофточку и убрала в сундук; для этого Филиппу пришлось подняться со стула. Он постоял у окна, доел яйцо, держа тарелку в руке, и неожиданно увидел их со стороны: немолодой мужчина с холодным ужином, жена на коленях у вещей, девочка, которая делала вид, будто больше никуда не хочет.

— Завтра мы идём смотреть зал, — сказал он.

Вера подняла голову.

— Какой? — спросила Лида.

— Тот, где работали. Хозяйка собирается уехать к дочери. Может, сдаст нам.

Дочь повернулась сразу.

— Настоящий кинотеатр?

— Нет, игрушечный, — ответила Вера. — Папа будет крутить его пальцем.

— Мам!

— Настоящий. Но мы ещё ничего не решили.

Лида забыла зеркало. Подошла к отцу так близко, что ему пришлось отнести тарелку в сторону.

— А картины вы сами будете выбирать?

— Сначала надо узнать, какие дадут.

— И вывеску можно другую?

— Ей ещё старая мешает, — сказала Вера.

— Ну «Алуэтт»! Все эти птички, цветочки... Нужно, чтобы сразу видно было: кино.

— Там и написано: кино, — ответил Филипп.

— Большое кино.

— А оно маленькое.

Лида отступила, посмотрела на них обоих и вдруг улыбнулась так широко, что на мгновение стала той семилетней девочкой, которую он нёс к одесскому причалу. Тогда её тёплая рука держалась за его ухо, и он не мог попросить ослабить пальцы: боялся, что придётся сказать что-нибудь ещё. Сейчас перед ним стояла высокая девушка в неудачно застёгнутой кофте, но упрямый промежуток между передними зубами был прежним.

- Можно я тоже пойду?
- В мастерской ты до скольких? — спросила Вера.
- До двух. Я успею.
- Если отпустят в два.
- Отпустят. Я утром быстрее сошью.
- От твоей скорости заказов меньше не станет.

Филипп поставил тарелку и посмотрел на жену. Ему хотелось сказать, что ничего страшного не случится, если Лида опоздает, но Вера уже отвернулась к дочери другим лицом.

— Приходи прямо к залу. Мы там будем с трёх. И ножницы свои не забудь. Ты их каждый раз у Жанин оставляешь, а потом берёшь мои.

Лида обняла мать сбоку, быстро, почти толчком, и полезла в сундук за ночной рубашкой. Вера подняла глаза на мужа с той усталой смешинкой, которую он замечал только дома. За ребёнком опять решили трое, но ребёнок был доволен.

* * *

Позднее, за занавеской, Филипп долго не мог снять носок с левой ноги. Нитка зацепилась за шершавую пятку; он тянул осторожно, чтобы не порвать, а Вера сидела рядом и пыталась не смеяться. Из-за ткани доносилось шуршание: Лида ещё перекладывала что-то возле кровати.

- Ты легла? — спросила Вера.
- Я легла.
- Я слышу.
- Тогда зачем спрашиваешь?

Филипп всё-таки вытянул ногу и показал жене дырку. Вера сделала вид, что не видит. Чинить предстояло ей; нечего было ещё и праздновать победу над носком.

Он лёг, подвинулся к стене. Постель днём проветривали, но близость стены всё равно оставляла на простыне холодную полоску. Вера устроилась с краю. Между ними хватало места только до тех пор, пока никто не менял позы.

- Ты ей рано сказал, — прошептала она.
- Знаю.
- Теперь она не уснёт.
- Я тоже.

Вера потянула одеяло выше. За занавеской погасла лампа; ткань перестала светиться и стала настоящей, хотя очень тонкой стеной. Филипп нашёл под одеялом руку жены.

- Ты хочешь?
- Вера повернулась к нему.
- Зал?
- Да.

Она не ответила сразу. Он чувствовал её пальцы и лёгкое движение воздуха возле своей шеи. Из коридора донёсся звук воды: сосед, возвращавшийся позднее всех, умывался у общего крана. Потом кто-то попросил его потише закрывать ведро.

- Хочу, — сказала Вера. — Только не так, чтобы ты потом говорил: я же ради тебя.
- Я разве говорил?
- Говорил.

Он хотел спросить когда и остановился. По точным датам Вера редко ошибалась. Он мог забыть ссору, оставшуюся для неё в рукаве платья, в холодной еде, в конкретном четверге. Лучше было не тратить эту ночь на поиски.

- Мне самому хочется, — сказал он.

Вера повернула его руку ладонью вверх и провела пальцем по старому следу ожога. Когда-то он прижёт её о металлическую часть лампового кожуха; она ещё не была его женой и в тот вечер принесла ему чистую повязку, которую заставила надеть, хотя он обещал, что ничего не случится. Память пришла не сразу вся: сперва прикосновение, потом её светлая блузка у дверей аппаратной, потом то, как он, двадцатитрёхлетний, боялся, что она заметит грязь на его воротнике.

— У тебя там свет из окна не падает на лицо, — сказала она. — Когда смотришь вниз, только руки видно.

— Внизу мне не работать.

— Я знаю. Просто сегодня искала тебя и не увидела.

Он обнял её, неловко переставив локоть, чтобы не прижать волосы. Она подвинулась к нему сама. Стена за спиной оставалась холодной, зато под одеялом стало жарко, и Филипп поймал себя на том, что думает не о зале и не о цене аренды. Жена положила ладонь ему на грудь. Он поцеловал её в висок, потом в угол рта; Вера тихо засмеялась, услышав, как с той стороны занавески Лида с нарочитым шумом перевернулась на другой бок.

— Спит, — прошептал он.

— Конечно. Очень старательно.

Они замерли, потом Вера прижалась лбом к его плечу. Филипп лежал, слушая, как дочь наконец перестала двигаться, и гладил жену по спине. В тесной комнате ни одно желание не оставалось совсем личным, но рука Веры всё ещё лежала у него на груди, и он не убирал своей.

* * *

Утром Филипп ушёл раньше обеих. На субботу у него было обещано два часа в зале возле бульвара Вольтера: хозяин жаловался на дрожание изображения. Отказываться от этой платы из-за несуществующего пока собственного кинотеатра было глупо. Вера выдала ему кусок хлеба с сыром, завёрнутый в бумагу, и попросила по дороге купить нитки. Он записал цвет на обороте квитанции: чёрные она уже не принимала за любой тёмный оттенок.

На улице после ночи оставались лужи. Филипп шёл, выбирая сухую середину тротуара, и с каждым кварталом предложение Пеллетье делалось менее лёгким. Зал был старым. Пол под последним рядом вздулся. Обивку кресел протёрли до той степени, когда грязь уже не скрывает ткань, а держит её вместе. Пианино нуждалось в настройщике, которого нельзя заменить складным ножом и терпением. Он заметил всё это ещё вчера, но вечером Вера так хорошо играла, а Пеллетье так спокойно назвала их вдвоём, будто только этого и недоставало порядку вещей.

Он достал квитанцию, прочёл про нитки и на свободном месте начал записывать то, что надо спросить. Кто отвечает за крышу. Какие платежи остаются хозяйке. Сколько действительно приходит в будний день. Где лежат бумаги на аппарат. Есть ли долг прокатчику. Последнюю строку подчеркнул, потом спрятал лист: у порога лавки его чуть не окатили водой.

В чужом кинотеатре пахло вчерашним табаком. Хозяин, месье Гарнье, открыл дверь в домашних туфлях, хотя над ними был застёгнутый пиджак.

— Вы уже знаете, что там? — спросил он.

— Пока нет.

— Вчера мне сказали, что подшипник.

— Тогда зачем я пришёл?

Гарнье посмотрел на него с сомнением, потом рассмеялся. Филипп редко шутил по-французски и не всегда рассчитывал, где закончится шутка.

В аппаратной он попросил свет, осмотрел машину, затем пустил короткий пробный кусок. Изображение дрожало не всё время. Пришлось остановить, проверить движение, снова

включить. Гарнье стоял слишком близко, дышал ему в ухо и каждые две минуты спрашивал, дорого ли. Филипп наконец попросил принести стул и сесть.

— Я могу помочь, — сказал хозяин.

— Можете. Не торопите.

Поломки, ради которой его звали, не оказалось: ослабло крепление, и ещё одна нужная регулировка давно была сделана наскоро. Он проверил результат на двух разных отрезках, убрал инструмент и посоветовал не ждать, пока дрожание станет видно уже с улицы. Гарнье оплатил условленное время без восторга: короткое исправление всегда выглядело для заказчика дешевле двух часов выяснения причины.

У выхода Филипп спросил, что хозяин думает о маленьких залах.

— В каком смысле маленьких?

— Сотня мест с лишним.

— Хотите взять?

Слишком прямой вопрос застал его врасплох. Он сказал, что пока только смотрит.

Гарнье сунул руки в карманы пиджака. Домашние туфли делали его ниже и толще, чем он казался на вечерних показах.

— Если вам сдадут за цену маленького, это одно. Если за цену большого, только с маленьким числом кресел, другое. И спросите, почему сами не хотят.

— Хозяйка хочет к дочери.

— Дочери бывают очень кстати.

Филипп кивнул. Он не стал рассказывать, что сама хозяйка вчера до последнего собирала корешки, разговаривала с уходящими и лишь потом заговорила о дочери. Не знал, оправдывает её или просто защищает приятный вечер.

На обратном пути он купил нитки. Продавщица показала три почти одинаковые катушки; он вынул записку и дал ей прочесть. Она выбрала одну, завернула и пожелала удачи с остальными пунктами, которые успела увидеть на обороте.

У дома Филипп остановился. В окне их комнаты ещё висела простыня, занавешивавшая сохнущее бельё. За ней двигались две тени: Вера подавала дочери что-то с вытянутой руки, а Лида отклонялась, не желая брать. Скорее всего, мать снова заставляла надеть шарф. Движение было таким знакомым, что Филипп улыбнулся прежде, чем вспомнил: Лида должна быть в мастерской.

Он поднялся быстрее обычного.

Дочь была уже у двери с узлом шитья. Вера держала не шарф, а свёрнутый хлеб.

— Ей велели отнести работу заказчице, — объяснила она мужу. — По дороге забежала переодеться.

— Я не переодеться. У меня на юбке пятно.

— Поэтому и переодеться.

Лида протиснулась между родителями, взяла хлеб и выбежала. Ступени под её ногами закрипели быстро, неравномерно.

Вера закрыла дверь.

— Уже начинаешь бояться, что у нас ничего не получится?

Филипп выложил нитки на стол.

— С чего ты взяла?

— Ты принёс правильный цвет. Значит, три раза прочёл бумажку.

Он отдал ей квитанцию со своим списком. Вера развернула, прочла, взяла карандаш и вписала внизу: «Когда можно играть одной, без картины».

Филипп посмотрел на добавленную строку.

— Утром, наверное.

— Вот и спросим.

Он сложил бумагу так, чтобы не затереть карандаш, и убрал во внутренний карман. До трёх оставалось чуть больше часа. Они не торопились выходить раньше, но оба уже были одеты.

Глава 3. Днём зал меньше

Лида пришла раньше родителей и сперва решила, что перепутала двор.

Ворота были открыты, но кинотеатр не имел ничего общего с местом, о котором она думала всю дорогу. Афиша у входа была в грязных потёках; её размокший край успел высохнуть и закрутиться. Над входом висела выцветшая птица, больше похожая на расплюснутую перчатку, чем на жаворонка. Возле двери стояли ведро и щётка. Молодой кот лежал на перевернутом ящике и жмурился с таким видом, будто помещение сдавали вместе с ним, а согласия ещё не спросили.

Лида заглянула внутрь.

— Можно?

Никто не ответил. Она прошла между двумя створками, одна из которых была притянута к стене крючком. Кассовое окошко оказалось совсем маленьким: согнувшись над ним, взрослый человек видел бы с улицы только чужой нос. В зале горели три лампы. Без картины на экране кресла смотрели на пустую белую ткань, а ткань в ответ показывала несколько бурых пятен.

Лида прошла по среднему проходу. Считала ряды до восьмого, потом сбилась, потому что одно кресло было снято, а на его месте стоял чемодан. На открытой крышке лежали отвёртка и клубок тонкой верёвки. У стены возле экрана поместилось пианино. Чёрная краска блестела только там, где её постоянно касались; по остальному корпусу шла тусклая, потёртая полоса.

Она встала перед первым рядом и посмотрела в зал.

Отсюда он стал лучше.

На чужие потёртости можно было не смотреть. Свет падал со стороны входа, оставляя лица воображаемых зрителей в тени. Лида положила узел с законченным платьем на переднее кресло, расправила плечи и негромко произнесла начало монолога, который читала вчера. Дальше знала плохо. Всё равно сделала шаг, подождала, повернулась к пустому месту слева.

— Вот тут она отвечает, — сказала она сама себе.

— Кто? — спросил женский голос.

Лида вздрогнула. Возле заднего ряда стояла Мадлен Пеллетье в коричневом платье и с маленьким ключом во рту. Хозяйка вынула ключ, показала им в сторону запертой дверцы и повторила вопрос.

— В пьесе, — ответила Лида. — Я дочь Турчаниновых.

— Я уже догадалась. Вы похожи на отца, когда хотите, чтобы вам дали спокойно закончить.

Лида не знала, как могло быть знакомо хозяйке отцово выражение после одного вечера. Решила, что взрослые вообще имеют какую-то неприятную возможность узнавать друг друга поверх детских голов.

— Мама с папой сейчас придут.

— Не сомневаюсь. Вы платье забирать пришли или зал?

Лида оглянулась на узел.

— Это заказчице. Дальше по улице. Я на минуту.

— Тогда идите к заказчице. Она ждёт платье, а зал никуда не денется.

Лида взяла узел. Пришлось вернуться через весь проход, чувствуя спиной, как остаётся пустое место перед экраном. У кассы она встретила родителей. Мать сразу спросила, отдала ли работу.

— Сейчас отдам. Тут рядом.

Филипп посмотрел на узел, но ничего не сказал. Лида была благодарна ему ровно до того момента, когда он придержал ей дверь и добавил:

— Только не теряй по дороге наш кинотеатр.

Наш. Она услышала это слово, выбежала во двор и едва не наступила на кота, решившего сменить ящик на порог.

* * *

Вера села в четвёртом ряду, пока Филипп с хозяйкой шёл вдоль стены. Кресло под ней скрипнуло и сразу стало слишком тесным. Вечером люди казались здесь плотной тёплой массой; днём оказалось, что между двумя чужими локтями почти не будет места. Она пересела на соседнее, потом на место у прохода. Филипп заметил и спросил, что не так.

— Сюда надо сажать худых, — ответила она. — А толстым объяснять, что картина им не понравится.

Пеллетье остановилась.

— Толстые покупают по одному билету и оставляют после себя столько же мусора. Я проверяла.

Она провела ладонью по верхнему краю кресла. Вера увидела, что хозяйка знает каждую трещину и всё равно способна говорить о них с таким видом, будто это не её трещины.

В зале было сто двадцать восемь мест. Шестнадцать рядов, по четыре кресла с каждой стороны среднего прохода; между стенами и крайними креслами тоже оставались узкие проходы. Дверь у экрана вела в боковой двор, откуда можно было выйти к воротам, не возвращаясь через кассу. Пеллетье открыла её, показала мокрые плиты и сказала, что зимой там надо посыпать. Филипп присел проверить нижнюю петлю. Вера стояла над ним и старалась понять, сколько таких движений в день потребует от него свой зал.

— Помещение моё, — сказала Пеллетье. — Аппарат мой. Кресла, экран, пианино тоже. Плёнки, разумеется, чужие. Все нынешние обязательства по прокату я закончу сама. Вам придётся договариваться заново.

— С теми же людьми? — спросил Филипп.

— Если хотите. Я вас представляю. Они меня не любят, но деньги берут исправно.

— Почему не любят?

— Я не беру то, что они считают для меня достаточным.

Вера посмотрела на экран. Это ей понравилось. Потом вспомнила пятничную копию, разошедшуюся на старой склейке, и решила пока не позволять симпатии решать за цифры.

Цифры начались у кассовой полочки. Пеллетье принесла тетрадь, пачку счетов, отдельный лист и очки, которые никак не хотели держаться на носу. Она предложила стулья из подсобки. Вера взяла один, второй подала мужу. За тонкой перегородкой щёлкал Филиппов карандаш: он проверял, не сломан ли грифель.

Семьсот пятьдесят франков в месяц за помещение и перечисленное оборудование. Полторы тысячи обеспечительной суммы. Первый месяц вперёд. Отдельно плата за свет, отопление, текущие мелочи, прокат, помощников и все необходимые текущие сборы. Хозяйка должна была привести в порядок вздувшийся участок пола, устранить старую течь над задним углом и передать исправную печь. Вера слушала, как Филипп заставляет Пеллетье повторить одно и то же по-другому, и впервые за долгое время не хотела его поторопить.

— На год? — переспросил он.

— Один год. Дальше обсудим продление заранее. Мой человек всё подготовит. До бумаги мы ещё договоримся о том, что в неё писать.

— Если вы через три месяца захотите назад?

Пеллетье сняла очки.

— Захотеть я могу и через три дня. Поэтому и нужна бумага.

Филипп кивнул и записал.

В тетради хозяйки хорошие воскресенья соседствовали с вечерами, когда выручка едва платила за картину. Вера не знала всех обозначений, просила объяснить. Пеллетье объясняла терпеливо до тех пор, пока Вера не вернулась к уже показанной неделе; тут хозяйка вздохнула и сказала, что дважды денег от этого всё равно не появится.

— Я хочу понять, где вы платили музыкантке, — сказала Вера.

Пеллетье перевернула страницу.

— Здесь. Берта Жиро.

— Она знает, что вы хотите уехать?

— Знает.

— И что здесь буду я?

— Вас я сама ещё вчера толком не знала.

Вера подняла глаза.

Пеллетье постучала ногтем по строке с выплатой.

— Берта сейчас болеет. Поправится — вернётся. Пока зал у меня, у неё работа. Если я передам его вам, мы с нею закончим наши расчёты. Она не ваша задолженность, мадам.

— Я не про задолженность.

— А я про неё. Прочее я с Бертой обсуждаю сама.

Филипп не вмешался. Вера смотрела на чужое имя между цифрами и понимала, что не захочет делить пианино через вечер. Они собирались держать это место вдвоём именно потому, что не могли платить двум постоянным работникам. Жалость, мгновенно возникающая к незнакомой Жиро, ещё ничего не отнимала у самой Веры. Настоящий отказ начался бы со слов: я не сяду на её место. Этого она не сказала.

Лида вернулась и осталась у входа. Узла уже не было; в руке дочь держала маленький конверт. Мать заметила его и вопросительно подняла брови.

— Для мастерской, — сказала Лида. — Завтра отдам.

— Сегодня, — ответила Вера.

— Там уже закрыто. Я могу занести мадам домой.

— Занесёшь.

Дочь вздохнула, убрала конверт во внутренний карман и спросила, можно ли ей посмотреть аппаратную. Филипп повёл её наверх. Из-за двери донеслось его привычное «это не трогай», потом другое, уже сердитое: «Я сказал, можно посмотреть». Вера невольно улыбнулась. Пеллетье закрыла тетрадь.

— Ваша девочка хочет играть?

— Сейчас она хочет всё, чего ещё не делала.

— Это быстро проходит, если давать делать подольше.

Хозяйка встала, вынула из кармана связку и выбрала маленький ключ. Вера спросила, что за комната за кассой. Оказалось, склад с полками и старым умывальником, который пока не работал. Вера попросила открыть. Внутри пахло пылью, мылом и каким-то давно закончившимся обедом. На полке стояли чашки. Ни стола, ни окна, пригодного для комнаты; только узкая щель высоко под потолком.

— Жить здесь нельзя, — сказала Пеллетье, угадав её взгляд.

— Я думала, можно поставить плитку. Чтобы днём поесть.

— Это можно. Только не возле коробок с плёнкой. Для них место наверху, ваш муж знает.

Вера подвинула чашку, освобождая в воображении место под кастрюлю. Потом сама рассердилась на себя: пришла спрашивать, когда будет играть без картины, а уже выбирала угол, где станет кормить остальных.

— Утром зал свободен? — спросила она.

— До уборки. После уборки тоже свободен. Я не устраиваю сеансы для стульев.

— Мне нужно иногда заниматься. Не для сеанса.

Пеллетье посмотрела на неё внимательнее.

— Занимайтесь. Только крышку потом закрывайте. Здесь пыли столько, будто я ещё один раз сдаю помещение пыли.

* * *

Они вышли из кинотеатра порознь. Лиду отправили отнести деньги хозяйке мастерской, Филипп остался ещё раз осмотреть аппарат, а Вера дошла до овощной лавки Рено.

Хозяйка выбирала из ящика помятые груши. Рядом стоял тот самый мальчик, который вчера искал монеты, и утверждал, что сестра просила взять два яблока в долг. Рено ответила, что сестра вчера просила ничего ему не давать без записки.

— Она забыла написать.

— Я не забыла услышать.

Мальчик увидел Веру и обрадовался.

— Она подтвердит.

— Я вас с сестрой ещё не представляла, — сказала Рено Вере. — Не торопитесь.

Вера спросила, хорош ли по субботам хлеб в соседней булочной. Пока Рено отвечала, мальчик успел взять одну помятую грушу с отдельной доски. Хозяйка увидела, но не остановила; лишь велела не бросать огрызок возле её двери. Получалось, разрешения у них были сложнее, чем закон и преступление, и Вера почувствовала себя чуть увереннее на новой улице.

— Вы собираетесь остаться у Мадлен? — спросила Рено.

— Мы смотрим.

— Правильно. При свете надо смотреть.

Вера спросила про сырость. Про то, часто ли зал пустует. Про хозяйку. Рено отвечала без злости и без особой защиты: крыша текла, сейчас обещают сделать; вечером в пятницу люди идут лучше, если не запозднились с работой; Мадлен много считает и редко ошибается в свою невыгодную сторону. Но за сегодняшнюю грушу она, Рено, не стала бы брать с ребёнка полную цену, а Пеллетье взяла бы и потом дала другую бесплатно, если захотела. Разные люди.

— Берта давно у неё играет?

— Давно. Вам самой надо у Берты спросить, если знакомы.

— Не знакомы.

— Так познакомьтесь. Она на улице тут рядом. Только дайте сперва поправиться. Мне сказали, уже легче.

Филипп нашёл жену у лавки с пакетом груш, которые были целыми с той стороны, что смотрела наружу. Вера отдала ему пакет и сообщила, что у Рено есть весы, на которых каждый плод выглядит виноватым. Он улыбнулся, но пальцы держали её список так крепко, что бумага согнулась.

— Пол надо поднимать, — сказал он. — В дальнем углу. Не просто планку прибить. Я ей показал.

— Согласилась?

— Согласилась спросить плотника.

Они пошли домой. На углу остановились пропустить тележку, нагруженную бутылками. Возчик кричал лошади, хотя мешали ему люди. Филипп придержал Веру за локоть и не отпустил, когда они снова оказались на тротуаре.

— У нас хватит? — спросила она.

— На то, что она назвала, хватит. На то, что ещё найдём, не знаю.

— И я не знаю.

Он посмотрел на неё с благодарностью, которая её немного обидела. Как будто ожидал, что она просто велит ему добыть остальное.

- Не смотри так. Я умею считать.
- Я знаю.
- Тогда вечером посчитаем вместе.

* * *

Вечером они вынули из сундука коробку, в которой хранили документы и сбережения. Лида уже вернулась из своего похода, показала записку о переданных деньгах и ушла к соседке, обещав не задерживаться. Вера не стала уточнять, к которой: дочь впервые сама догадалась оставить их одних.

На столе оказалось пятнадцать тысяч пятьсот франков. Не одной пачкой — купюры были сложены разными частями, некоторые с обёртками, некоторые в конвертах. Сюда попадало всё, чего не требовал ближайший месяц. Вера помнила происхождение маленького серого конверта лучше, чем больших: в нём лежала плата за уроки у девочки, которой совершенно не хотелось учиться. Прежде чем семейство уехало, мать девочки добавила небольшую сумму за терпение. Вера тогда почувствовала себя оскорблённой, потом всё-таки принесла деньги домой.

Филипп разложил записи. Полторы тысячи хозяйке как обеспечение, семьсот пятьдесят за первый месяц. Залог прокатчику ещё предстояло узнать. Настройка и исправление пианино, обивка самых плохих кресел, краска для входа. Плату за текущую комнату, еду, уголь и обычную жизнь нельзя было вычестить из будущей хорошей выручки — они должны были прожить до неё.

— Если три месяца будет плохо, — сказал Филипп, — мы не будем делать вид, что это только начало.

— А если четыре?

— Тогда уже будет поздно спорить про три.

Вера подтянула к себе тетрадь Пеллетье, которую та позволила взять до понедельника. Хозяйка оставила не оригинал всей кассы, а свои отдельные выписки за последние недели; подробные книги и счета обещала показать человеку, которого они приведут. Вера складывала числа, вычитала, возвращалась назад. Даже слабая неделя не была пустой. Но стоило прибавить работу двух нанятых людей, и доход таял почти целиком.

— Если мы оба там, получается, — сказала она.

Филипп опустил карандаш.

— Получается, если люди будут ходить.

— Они ходили вчера.

— Вчера пятница.

— Я помню. На пианино играла я.

Они замолчали. Вера слышала, как под окном женщина зовёт ребёнка с улицы; имя повторялось с каждым разом всё резче, но ребёнок не показывался. Серая коробка стояла открытая. Деньги, над которыми не надо было принимать решения, всегда казались ей почти несуществующими: зиму прожили, оставалось ещё немного. Сейчас у них появился размер. На этот размер можно было купить риск и несколько свободных утр у инструмента.

— Я хочу попробовать, — сказала Вера.

Филипп смотрел на купюры.

— Я тоже.

— Только давай наймём человека, который прочтёт всё это до подписи. Не Лиду. Она слова знает, а мы потом скажем, что она не так перевела.

Он коротко кивнул.

— Спрошу у Левицкого. Он объясняет по-русски, а документы ведёт здесь. Помнишь, помогал Беловым с лавкой?

— Помню. У него жена кашляет, как заведённый мотоцикл.

— Это другая жена.

Вера подняла голову.

— В каком смысле другая?

— У другого Левицкого. Я про Иосифа. У него жена в очках.

— Все со временем в очках, Филя. Скажи адрес.

Он назвал адрес, и она вспомнила человека: маленький, быстрый, говорил «минуточку» и заставлял ждать полчаса, но Беловым действительно не позволил подписать первое, что им принесли. Вера сложила деньги обратно. На этот раз серый конверт положила сверху.

Дочь вернулась, когда коробка уже исчезла в сундуке. Принесла от соседки кусок пирога на блюде; пирог следовало вернуть не завтра, а когда будет из чего испечь свой. Лида объявила это с таким строгим видом, словно лично согласовала условия займа.

— Ну? — спросила она потом.

— Будем проверять, — ответил Филипп.

Лида недовольно вздохнула.

— Вы сегодня весь день проверяли.

— Поэтому завтра будем умнее проверять.

Вера отрезала дочери самый большой кусок пирога, а себе и мужу поделила оставшееся. Под корочкой были яблоки. Она вспомнила вчерашнее яблоко Рено, которое Лида успела съесть, не заметив, что оно было первым Вериним заработком с будущей улицы. Хотела сказать, потом передумала. Дочь рассказывала про Жанин, про смешной ответ заказчицы и про то, как одна женщина не желала платить за два дополнительных стежка, потому что платье от этого не стало длиннее. Пусть пока весь вечер принадлежит этой обиде.

Глава 4. До подписи

Ученик ждал Веру в дорожном костюме. На пуфе у пианино лежал чемодан, второй стоял под ногами, и мальчик сидел боком, чтобы не бить по нему каблуком на каждой тяжёлой доле.

— Его нельзя убрать? — спросила Вера.

— Мама сказала, всё уже поставлено.

Вера наклонилась и вытянула чемодан. Мальчик с облегчением придвинулся к клавиатуре. Звали его Поль; он умел заранее делать виноватое лицо на том месте, где собирался ошибиться. Сегодня лицо появилось задолго до первого звука.

— Мы завтра уезжаем, — сказал он.

— Я знаю.

— До февраля. Может быть, до марта.

— Тогда тем более сыграй. Мне ждать долго.

Он попробовал начать с середины. Вера остановила его, показала вступление; Поль уронил руки на колени и уставился в ноты. Из соседней комнаты слышалось, как мать спорит с кем-то о числе сундуков. Он слушал спор внимательнее, чем учительницу.

Вера села рядом. В квартире было тепло, на столике возле окна лежала свежая газета, утренний свет свободно доходил до пола. Такие комнаты раньше вызывали у неё зависть к чужой жизни, потом — только желание задержаться на несколько минут перед выходом. Сегодня она смотрела на пианино, на расстояние от него до стены и думала, удастся ли в «Алу-этт» повернуть инструмент чуть иначе. Если сесть дальше от печи, левая рука не будет всё время нагреваться. Понадобится ли разрешение хозяйки, чтобы передвинуть её собственность на ширину ладони?

Поль смотрел на неё.

— Вы тоже не хотите, — сказал он.

— Что я тоже?

— Заниматься.

Вера закрыла ноты. Мальчик немедленно выпрямился.

— Сыграй то, что играл, пока я раздевалась.

— Это я так.

— Так и сыграй.

Он помедлил, взял две ноты, затем ещё три, нашёл дальнейшие и сбился. Мелодия была из тех, что переходили от уличного певца к мальчишке, от мальчишки — к матери за мытьём посуды. Поль не знал, как её закончить, поэтому всякий раз возвращался к началу.

Вера положила пальцы на басовые клавиши.

— Ещё раз. Только на этот раз не убегай от конца.

Она дала ему опору под мелодию. Поль сперва испугался чужого звука и поднял руки, потом начал снова. До знакомого места добрался уверенно. Вера осталась на басу, который требовал продолжения. Мальчик вслушался и неловко нащупал его — не то, которого она ждала, но возможное. Она приняла находку, подвела к ней следующий аккорд. Поль удивлённо посмотрел на их руки.

— Так можно?

— Только не бей. Оно никуда от тебя не денется.

На третьем повторе он перестал заглядывать ей в лицо. Вера слышала, где он предугадывает, а где ещё ищет, и могла подождать, не выдавая ожидания. У двери появилась мать Поля. Хотела что-то спросить, увидела сына и остановилась.

Когда музыка кончилась, мальчик потянул Веру за рукав.

— Запишите.

— Ты сам запишешь. Вот здесь.

Она раскрыла тетрадь на чистой странице и дала ему карандаш. Пока он выводил первые неуверенные ноты, мать позвала Веру в прихожую. Заплатила за урок, извинилась за чемоданы, сказала, что весной обязательно вернутся к прежнему времени.

— По воскресеньям, как всегда. Я вам напишу.

Вера держала перчатки за пальцы, не надевая.

— По воскресеньям я, возможно, больше не смогу.

Мать Поля посмотрела на неё так, будто Вера первой задумала уехать.

— Но мы только наладили.

— Я понимаю. Давайте весной договоримся заново. Может быть, утром в четверг.

— У него занятия.

— Тогда в другой день.

Женщина кивнула без прежней уверенности. Её право на воскресный час казалось ей естественнее любого нового Вериного дела. Из комнаты крикнул Поль: у него не помещалось окончание.

Вера вернулась, показала, как перейти на следующую строчку. Он прижал ладонью тетрадь, чтобы никто не закрыл, и спросил, можно ли взять её с собой. Мать сказала, что для этого ноты и существуют. Но смотрел он на Веру, и ответить пришлось ей.

— Возьми. Только не отдавай чемодану место у пианино.

Она вышла с деньгами за последний урок и без обещанного следующего. На улице вдруг стало страшно: зал ей ещё не принадлежал даже на бумаге, а одно надёжное воскресенье она уже оттолкнула. Вера остановилась у витрины, натянула перчатки и вернулась к дороге. Поворачивать назад, чтобы объяснять матери Поля, что она передумала, было бы хуже.

* * *

В воскресенье Филипп работал в «Алуэтт» один. Пеллетье нашла замену пианистке; Вера не просила назвать имя и лишь вечером, когда муж вернулся, спросила, хорошо ли играли.

— Спокойно, — ответил он, снимая ботинки.

— Это как?

— Я не слышал жалоб.

Вера рассмеялась. Филипп посмотрел на неё с пола.

— Что я должен сказать? Я наверху был.

Она присела рядом, помогла распутать мокрый шнурок и рассказала про Поля. Муж слушал, уже перестав тянуть ботинок. Потом сказал, что ей надо было сперва посмотреть, подписут ли договор. Вера отпустила шнурок.

— Теперь поздно. Подержи пятку.

Он подержал, и ботинок наконец снялся. С этим успехом спорить оказалось легче, чем с потерянным уроком. Вера унесла обувь к двери, а Филипп достал из кармана записку с часом, на который согласился принять их Иосиф Левицкий.

У Левицкого они прождали дольше, чем он обещал. В передней сидел мужчина с перевязанным пальцем и всё время проверял, не проступает ли кровь. Вера подумала, что отрезанный палец здесь, пожалуй, тоже попросили бы подождать минуточку. Но когда их наконец позвали, Левицкий закрыл дверь, отодвинул от себя недописанное и сразу занялся только ими.

У него были две пары очков. Одни висели на шнурке, другие он не мог найти, пока Вера не показала на угол стола. Он поблагодарил, надел найденные поверх своих сомнений и прочёл лист Пеллетье, не задавая вопросов до конца.

— Хотите, чтобы я отговорил? — спросил он потом.

— Хотим, чтобы объяснили, что подписываем, — ответила Вера.

Левицкий отложил лист.

— Пока вы ничего не подписываете. Это пожелания. Хорошо, что их написали. Теперь выясним, какие останутся в договоре.

Филипп вынул свои записи. Он начал с пола и крыши; Левицкий вернул его к сроку, затем попросил все бумаги, которые супруги принесли о себе, и долго сверял имена. Не позволил Лиде стать переводчицей даже задним числом: когда Вера сказала, что дочь могла бы переписать им французский текст, он ответил, что переписать можно кому угодно, но отвечать за объяснение сегодня будет он.

Это успокоило Филиппа сильнее, чем добрые слова об удачной цене. Он поставил обе ступни на пол и перестал держать колени так, будто собирался в любой момент уйти.

Левицкий согласился просмотреть подготовленный договор, перечень вещей и хозяйские книги. За отдельную плату съездить в зал, если понадобится. Филипп спросил, нельзя ли обойтись без поездки. Левицкий посмотрел на его список.

— Если вы отличаете исправную печь от обещания исправить печь, можно. За аппарат я всё равно вам ничего толкового не скажу. А вот эта строчка плохая.

Он показал на фразу, под которой Пеллетье от руки перечислила текущие расходы. Фраза позволяла при желании включить в них почти всё, вплоть до старой течи.

— Она обещала сама сделать крышу, — сказал Филипп.

— Пусть это будет там же. Срок и что именно. Не потому, что она непременно обманет. Через полгода вы оба будете помнить разговор по-разному.

Вера потянулась за листом. Левицкий подождал, пока она дочитает, затем спросил, кто будет вести дело и кто останется в зале в часы показа.

Они ответили одновременно.

— Я наверху, — сказал Филипп.

— Я у пианино.

Левицкий посмотрел на них поверх очков.

— Превосходно. Значит, у дверей сама судьба.

Филипп хотел назвать дочь и не назвал. Лида работала в мастерской, возвращалась уставшая, уже просила вечера для своих чтений. Одно дело — помочь родителям в воскресенье, другое — провести все вечера за их маленьким окошком.

— Наймём человека, — сказала Вера.

— Сколько вы ему оставили?

Филипп достал расчёт. На строке помощников стояла сумма, которой едва хватило бы на несколько коротких выходов в неделю. Он считал чужую работу отрезками между собственными: продать билеты перед началом, закрыть окошко, подмести после. Пеллетье весь вечер оставалась внизу. В пятницу это казалось удобством, теперь оказалось отдельной работой.

Домой они шли молча. У лавки Филипп остановился, пропуская женщину с детской коляской, и сказал:

— Придётся первое время реже открывать.

— Нас и так никто не знает.

— Или Лида будет за нас сидеть.

Вера не ответила. Женщина пыталась втащить коляску на высокую ступень; Филипп помог поднять передние колёса. Из-под одеяла раздался возмущённый крик. Оба взрослых извинились перед ребёнком, и только после этого Филипп вернулся к жене.

— Два вечера оставим закрытыми, — сказала Вера. — Понедельник и вторник. Я в понедельник могу брать уроки.

— А я чинить чужие аппараты.

Она посмотрела на него.

— Только не обещай сразу весь день. Свой тоже будет ломаться.

* * *

Пеллетье сперва отказалась менять лист. Сказала, что они собираются держать кинематограф, а не судиться с ней. Филипп заставил себя молчать, пока Вера раскладывала на полочке бумаги. Он боялся, что, начав отвечать, снова сведёт всё к плохо закреплённой петле, где был прав без всякой чужой помощи.

— Мы хотим, чтобы вы приезжали к дочери с деньгами, — сказала Вера. — А не сюда с плотником.

— Я ещё не уехала.

— Поэтому и можно договориться.

Разговор занял почти час. Хозяйка показала счёт за ремонт, объяснила, где сверху проходит течь, потом рассердилась, что Филипп хочет поднять две доски вместо одной. Он провёл её в зал, присел, попросил наступить. Пеллетье ступила осторожно; доска выдержала. Филипп попросил наступить как человек, который заплатил за билет и не знает, где следует беречь хозяйское имущество. На этот раз пол качнулся.

Пеллетье отняла ногу.

— Вторая тоже, — сказала она. — Но обивка ваших кресел — уже не моя забота.

Потом она привела Адель Моро, вдову трамвайного служащего. Моро жила в соседнем дворе и прежде приходила на воскресные показы, когда Пеллетье не справлялась одна. Она была невысокая, широкая в плечах, с удивительно маленькими кистями. Вера подумала, что такие руки легко пройдут в кассовое окошко, и немедленно устыдилась способа выбирать себе человека.

Моро выслушала часы, спросила о плате и поправила Филиппа, считавшего уборку частью времени после последнего зрителя.

— Последний уходит, когда ему надо. Я ухожу, когда мы условились. Если дольше — вы оплачиваете или метёте сами.

— В зале останусь я, — сказала Вера.

— Тогда договоримся.

Но договорились не сразу. Моро отказалась от работы по вторникам, которых у них всё равно не было в расписании, и от раннего воскресенья, которое они успели придумать по дороге. По утрам она ходила к сестре. Вера спросила, нельзя ли иногда поменяться; Моро ответила, что сестра не меняется. На первые недели условились о пяти вечерах: среда, четверг, пятница, суббота и воскресенье. Дополнительный дневной показ предстояло обсудить отдельно, когда станет понятно, есть ли на него зрители.

Уходя, Моро забрала у Пеллетье фонарик, осмотрела и вернула.

— Этот оставьте. Новый покупать не надо.

Старую вещь она одобрила так уверенно, что Филипп впервые за день почувствовал себя не единственным человеком, которого беспокоит лишняя покупка.

Берту Жиро Вера встретила на следующий день. Та пришла забрать ноты. Ещё кашляла, держала перчатки, прижав к ладони носовой платок, и постояла у входа, пока Пеллетье говорила с мастером. Вера сразу узнала её, хотя прежде не видела: женщина смотрела на пианино слишком внимательно для зрительницы.

— Я Турчанинова, — сказала Вера. — Буду здесь играть.

Жиро кивнула.

— Мне сказали.

Вера хотела спросить о здоровье. Потом — предложить воды. Пока выбирала между двумя бесполезными вежливостями, Берта сама пошла к инструменту и вынула из-под крышки

несколько сложенных листов. Пеллетье вышла из служебного коридора, увидела её и принесла заранее приготовленный конверт.

Жиро пересчитала деньги, расписалась в хозяйской тетради. Попросила вернуть карандаш с серебристым колпачком, который оставила на кассе. Карандаш искали втроём; нашли за коробкой старых корешков. Вера обрадовалась находке больше, чем следовало.

— Нижний ля западает, — сказала Берта, убирая карандаш.

— Я заметила.

— А фа в середине иногда не отвечает. Не всегда. Как раз забудете — не ответит.

— Придёт настройщик.

— Хорошо.

У Веры было чувство, что обещание о настройщике прозвучало хвастовством перед человеком, которому годами говорили потерпеть. Она отступила, давая Берте пройти, и не удержалась:

— Вы нашли другое место?

Жиро остановилась.

— Пока поправляюсь. Потом буду искать.

Больше она ничего не добавила. Вера проводила её до ворот. На улице Берта закутала горло и пошла в сторону церкви, не оглядываясь на птицу над входом.

Вернувшись, Вера села на скамью у пианино. Сложенный картон держал ножку ровно. На пюпитре остался светлый прямоугольник там, где лежали Бертины ноты. Филипп позвал её посмотреть, как сняли первую доску. Она ответила, что сейчас придёт, и ещё несколько секунд смотрела на чистое место.

* * *

Подписывали в четверг, у человека, который готовил бумаги Пеллетье. До этого Левицкий вернул супругам текст с пояснениями. Договор и перечень имущества прочитали; недостающие сведения внесли, подписи и согласия, которых потребовали по их документам, получили. Левицкий велел Филиппу взять отдельный лист о ремонте, и Филипп трижды проверил, что тот лежит вместе с остальными.

Вера поставила подпись после мужа. Почерк вдруг показался ей школьным, слишком старательным для взрослой женщины, которая собиралась платить семьсот пятьдесят франков ежемесячно независимо от того, захочется ли людям смотреть её картины. Она закончила последний завиток, отложила перо и увидела, что Филипп держит для неё промокательную бумагу. Он не спешил приложить её за Веру.

Полторы тысячи обеспечения и семьсот пятьдесят за первый месяц перешли Пеллетье. Отдельная расписка осталась у супругов. Начинать им предстояло с первого ноября, после обещанного ремонта; до того зал продолжала вести хозяйка. Годовой срок показался Филиппу одновременно безнадежно коротким и почти непереносимым. За год можно было испортить всё, что собирали четыре года. На год нельзя было спрятаться от дела под предлогом неудачной недели.

Пеллетье убрала свою копию. На улице её ждала подруга, собиравшаяся помочь с поездкой в Тур. Хозяйка ещё раз напомнила, что отъезд не мешает ей получать известия о кинотеатре, пожала обоим руки и пошла к двери.

Они остались втроём с человеком за столом. Тот уже придвигал другую папку, но Филипп не вставал. Вера осторожно коснулась его запястья.

— Всё.

Он посмотрел на неё, затем опустил глаза на листы. Собрал их, выровнял о край стола, убрал в папку, которую принёс из дому.

На лестнице Вера спросила:

— Ты сейчас доволен?

— Спроси в ноябре.

— Я сейчас спрашиваю.

Филипп остановился на ступени ниже неё. Они оказались почти одного роста. Он хотел ответить что-нибудь предусмотрительное, но Вера не отпускала его рукава.

— Доволен, — сказал он. — Очень.

Она поцеловала его, неловко задев подбородком щёку. Сверху спускался служащий; Филипп отодвинулся к перилам, пропуская. Вера не стала прятать лицо. Ей хотелось ещё постоять на этой лестнице, пока всё не началось, но муж уже взял её под руку, и они пошли к выходу, прижимая к себе папку с чужими словами и своими подписями.

Глава 5. Публика знает лучше

В первый вечер Вера три раза выходила посмотреть на часы в витрине булочной. Собственные часы в зале отставали, Филипп обещал заняться ими после открытия, а на улице время шло с такой оскорбительной исправностью, будто его никто не просил подождать.

До начала оставалось двадцать минут. Во дворе стояли двое мужчин, оба курили, оба уже сказали, что пришли не к ним. Один ждал приятеля, другой просто нашёл место без ветра. Вера кивнула им, вернулась в зал и сразу услышала голос Моро:

— Если будете так ходить, они решат, что закрыто.

— Почему?

— Все уходят. Никто не приходит.

Вера остановилась у кассы. На блюде рядом с билетными книжками лежала мелочь для сдачи, монеты по несколько разложены друг на друга. Моро проверяла фонарик. Синий передник она принесла свой, надела поверх платья, завязала сзади и попросила больше не предлагать ей место на стуле: ей пока удобнее стоять.

Первое ноября было днём, когда многие вспоминали умерших; с кладбищ возвращались люди с пустыми корзинами для цветов, и Вера вдруг испугалась, что они выбрали для начала совсем неподходящий вечер. Дату обсуждали как начало месяца, как день передачи и первый оплаченный срок. Теперь за ней стояли чужие семейные обычаи, о которых они почти не думали.

Лида пришла прямо из мастерской. На ней была новая шляпка — точнее, старая, но переделанная так, чтобы никто не догадался о прежнем владельце. Она остановилась посреди двора и осмотрела вывеску. Жаворонка отмыли, надпись обвели; Филипп сам поднялся на лестницу, пока Вера держала её внизу и не позволяла наклоняться дальше, чем можно удержать руками.

— Теперь птица сердитая, — сказала дочь.

— Ей не заплатили за малярные работы, — ответила Вера.

— Папе тоже?

— Папа хотя бы обедал.

Лида сняла перчатки, вынула из сумки несколько листков и протянула матери. Вера увидела своё имя, написанное крупно, с красивой длинной буквой V. Ниже шло обещание русской музыки, а ещё ниже — название картины и время.

— Я только несколько сделала. Жанин помогла.

— Когда?

— Вчера. После работы.

Вера держала листок за края. Имя выглядело почти незнакомым: Véra Tourtchaninoff. Так записывали фамилию в некоторых французских бумагах, и она научилась узнавать её раньше, чем сумела полюбить. Теперь дочь превратила неудобные буквы в украшение, а под ними поместила собственную маленькую уверенность, что мать может привлечь людей.

— Я ведь не буду весь вечер играть русскую музыку.

— Но иногда будешь.

— Под эту комедию? Лида...

Дочь отняла один листок, посмотрела на него.

— Если написать «пианино», никто не придёт. Оно везде есть.

— К нам идут на картину.

— Пока никто не идёт.

Моро подняла голову, но не вмешалась. Вера почувствовала обиду, хотя дочь сказала ровно то, о чём она сама думала пять минут назад. Филипп спустился за оставленным ключом и увидел листок.

— Красиво, — сказал он.

— Очень, — ответила Вера. — Теперь осталось найти балалайку.

Филипп прочёл и почесал бровь краем ключа.

— Убери «русская». Напиши «живая». Правда будет.

Лида посмотрела на отца так, словно он предложил вывесить над пекарней «съедобный хлеб».

— Все знают, что живая.

Он пожал плечами.

— Тогда просто имя.

Вера вернула дочери оставшиеся листы. Она не хотела превращать первые минуты собственного дела в урок о том, как нельзя помогать матери. Сказала, чтобы эти пока не раздавали, а потом вместе придумают другие. Лида сунула их обратно в сумку, сразу смяв один угол. Ей было достаточно ясно, что получилось плохо.

У ворот остановилась мадам Рено. Пришла с сестрой, о которой Вера до сих пор не знала. Сестра была ниже, суше и держала шляпу так прямо, будто несла на голове стакан. Обе купили билеты. Вера едва не предложила им пройти просто так, но Моро уже оторвала два корешка и положила деньги на блюдце. За ними показался Буайе.

— Птичку хорошо помыли, — сказал он. — А картина прежняя?

— Новая программа, — ответила Вера.

— Новая для кого?

— Для нас с вами.

— Я вас предупреждал, у меня большие возможности. Мог уже видеть.

Он заплатил и ушёл в зал, прихватив вместе с билетом чужую перчатку с полочки. Моро окликнула, он вернул перчатку с таким достоинством, будто именно для этого её и брал. Лида засмеялась. Вера заметила, что дочь больше не держит сумку поперёк груди.

Через несколько минут во дворе стало тесно. Люди приходили по двое и по трое, останавливались прочесть афишу, спрашивали, давно ли переменился хозяин, оставалась ли прежняя плата и будет ли опять показываться тот толстый комик, которого они любили. Вера отвечала, не успевая ни обрадоваться, ни испугаться. Один мужчина говорил только с ней, отказываясь от ответов Моро. Хотел знать, не стали ли картины теперь русскими. Вера показала ему французское название на афише.

— А написано про музыку, — сказал он.

Она посмотрела на дочь.

Лида отвела глаза.

— Ты уже раздавала?

— Только два. С утра.

Вера выдохнула.

— Картина французская, — сказала она мужчине. — Музыка моя. Если не понравится, в следующем антракте скажете мне лично.

— А вы будете играть?

— Да.

— Тогда не отвлекайтесь на меня. Я послушаю.

Он купил билет. Вера осталась у полочки ещё мгновение, потом повернулась к дочери:

— Лида, садись. Скоро начинаем.

— Я могу помочь.

— Можешь. Посмотри из зала, всё ли видно.

Дочь пошла, хотя по лицу было заметно, что ей дали детское поручение. Моро проводила её фонариком до первого свободного места, и Вера вдруг подумала: шестнадцать лет, шестой год во Франции, а собственный вечер в кино у неё до сих пор каждый раз с чьего-нибудь разрешения.

* * *

Настройщик пришёл за два дня до открытия. Разобрал пианино, увидел заботливо подложенный под скамью картон и сперва исправил ножку, хотя его звали совсем не для этого. Филипп стоял рядом, обиженный чужой лёгкостью. Потом мастер добрался до инструмента, и обида прошла: выяснилось, что терпеть надо будет дольше, чем предполагала Вера.

Нижний ля теперь отвечал. Среднее фа тоже. Пианино не превратилось в концертный рояль, но сегодня Вера могла выбрать тихий звук и не бояться, что вместо него получится пустота. Она поставила на пюпитр свои листы. В них было несколько названий и короткие пометки, понятные только ей: не вся музыка вечера, а места, где следовало что-то вспомнить вовремя.

Филипп погасил верхний свет. Из заднего оконца лёг на ткань ровный прямоугольник, и Вера опустила пальцы на клавиши.

В прологе к комедии мужчина в новом костюме собирался на свидание и обнаруживал, что жена ушла, оставив ему ребёнка. Лида засмеялась первой. Потом — кто-то сзади. Вера поймала темп его деловитых сборов, подвела лёгкую мелодию к неожиданному появлению коляски и услышала уже общий смех. Дурацкая выдуманная беда на экране вдруг сняла с неё страх перед настоящей.

Она не смотрела на дочь. Важнее было не пропустить, как герой прячет цветы от жены, затем от самого себя, неловко делая вид, что всего лишь поправляет вазу. В середине сцены Вера попробовала музыкальный поворот, который придумала утром. Оказалось, слишком торопится. Она удержала левую руку, дождалась нужного взгляда актёра и вошла снова.

Под ногами не было картона. Скамья стояла ровно. В первый раз за несколько недель Вера не занималась одновременно музыкой и мебелью.

Первая часть закончилась. Филипп остановил аппарат, зажёл свет на время смены, и разговоры мгновенно выросли из тишины. Буайе объявил, что видел эту картину, но тогда в начале была собака. Мадам Рено посоветовала ему проверить, не в другом ли зале он видел собаку. Мужчина, пришедший из-за русского листка, поднялся и подошёл к Вере.

— Хорошо, — сказал он. — Только вы слишком весело играете, когда жена выходит.

— А надо печально?

— Она же уходит. Ему и так трудно.

Вера посмотрела на экран, где уже ничего не происходило.

— Она идёт к своей матери. А он собирался к другой женщине.

— Я понял картину.

— Тогда почему его жалко?

Мужчина подумал.

— Потому что ребёнок остался с ним.

Вера рассмеялась. Он улыбнулся не сразу, но потом тоже не выдержал и вернулся на место, унося с собой собственное, не вполне исправленное понимание семейного несчастья.

Лида подошла следом.

— Папа должен чуть выше поднять картину. Последнюю строчку надписи из моего кресла закрывает шляпа.

— Чья?

— Женщины впереди.

— Картину нельзя передвигать ради каждой шляпы.

— Тогда скажи ей снять.

Вера увидела ту самую сестру Рено, несущую на голове воображаемый стакан. Встать и попросить её было совсем не трудно — до тех пор, пока не требовалось пройти к собственной первой посетительнице и объявить, что её наряд мешает другому.

Она поднялась. Моро оказалась быстрее. Подошла сбоку, наклонилась, сказала что-то тихо. Женщина не сразу, но сняла шляпу и положила на колени, придерживая двумя руками.

— Спасибо, — сказала Лида.

— Поблагодари её, — ответила Моро. — Ей тяжелее.

Лида послушалась. Женщина посмотрела на неё сердито и сказала, чтобы хотя бы перестала стучать каблуком по спинке кресла. Лида покраснела: она и не заметила, что делала это всё время.

Когда свет погас снова, Вера едва успела сесть.

Последняя часть шла увереннее. Теперь в музыке было место смешному запоздалому раскаянию, раздражению жены и той минуте, когда отец обнаруживал спящего ребёнка у себя на коленях. Вера могла бы сделать эту минуту очень красивой. Вместо этого взяла простую, почти голую мелодию и дала актёру самому удержать лицо на экране. В зале стало тише. Даже Лидин каблук больше не двигался.

После конца хлопнули несколько человек. Вера не знала, кому именно: картине, музыке, появившемуся свету, возвращавшему возможность подняться. Всё равно встала и кивнула. Буайе провозгласил, что в прошлый раз конец был лучше, потому что там всё-таки пришла собака.

— Приведём вам собаку в воскресенье, — сказала Моро. — Только отдельный билет купите.

* * *

Второй сеанс собрал меньше людей. Лида ушла домой после первого, обещав не ждать родителей, но Вера знала, что будет ждать. На этот раз музыка не разгоняла тревогу, а просто сопровождала картину; пальцы устали, басовая связка в одном месте не удалась, и Вера не могла вернуть её, потому что актёр уже уходил со своим ребёнком в другую комнату.

После последнего зрителя Моро протянула им кассовую тетрадь и сказала, где сложила мелочь. Ушла в условленный час. Вера взяла щётку, Филипп принёс совок. Под креслом обнаружился свёрток с бутербродом, аккуратно завязанный в бумагу; они долго спорили, оставили его нарочно или забыли. В итоге положили у кассы, не решившись выбросить чужой несъеденный ужин.

Зрителей за два сеанса было девяносто три. Моро посчитала, Филипп сверил корешки, потом Вера заставила его ещё раз сложить два отдельных итога, потому что он сперва получил девяносто пять. Деньги на столе были больше, чем они заработали вдвоём за первый вечер у Пеллетье, но из них предстояло вычесть слишком многое. Филипп записывал расходы, не отрываясь от листа. Вера стояла у двери и ждала, когда он поднимет голову.

— Ну? — спросила она наконец.

— Для первого вечера хорошо.

— Ты можешь просто сказать: хорошо?

Он остановил карандаш.

— Хорошо.

— Вот. Уже лучше.

Филипп откинулся на спинку стула, и Вера увидела, что он почти засыпает. Пока она играла, он следил за показом, менял части, проверял, не всплывёт ли ещё что-нибудь после

полученных копий; теперь перед ним лежали чужие деньги, которые следовало превратить в их собственный месяц. Вера отобрала карандаш и закрыла тетрадь.

— Завтра закончишь.

— Завтра снова открывать.

— Поэтому сегодня надо пойти домой.

Они убрали выручку, погасили свет, проверили запоры. Во дворе Филипп вдруг остановился и ощупал карманы.

— Ключ от комнаты у тебя?

Вера кивнула.

— А то я тут столько запер, что уже не понимаю, куда теперь можно.

Она засмеялась и потянула его за рукав. На улице стало холоднее. Афиша держалась ровно, окна соседнего дома темнели, и только в булочной за закрытой дверью ещё горел слабый свет. Вера не посмотрела на часы. Ей хотелось донести до дома сегодняшний звук: тихую мелодию, которая легла под лицо усталого экранного отца, и смех дочери, услышанный из темноты.

Глава 6. Часы для опоздавших

Предложение позднего сеанса принёс человек, который ни разу не видел у них картины до конца.

Звали его Луи Перрен. Он приходил в воскресенье на первый вечерний показ, садился у прохода и уходил в первом антракте, потому что в ресторане начиналась его смена. Вера сначала решила, что ему не нравятся картины. На третьей неделе Перрен сам подошёл к кассе и попросил не менять программу до следующего воскресенья: ему хотелось когда-нибудь узнать, чем всё кончилось.

— Возьмите выходной, — посоветовал Буайе, который стоял рядом и делал вид, будто ищет монету.

— Возьмите себе ресторан, — ответил Перрен. — Я к вам поступлю.

Буайе наконец нашёл монету и ушёл, не приняв делового предложения. Перрен остался. Взял с кассовой полочки карандаш, нарисовал на обороте ненужного листка два циферблата и показал Вере: вот когда закрывается кухня, вот когда освобождаются последние работники. Если бы они начинали позже хотя бы раз в месяц, он привёл бы людей. Не всех из ресторана — у кого-то семья, кто-то любит только выпить, — но достаточно, чтобы не сидеть одному в пустом зале.

— Насколько позже? — спросила Вера.

Перрен обозначил начало так, что между двумя его стрелками почти не осталось места для сна.

Она рассмеялась, потом увидела, что он не шутит.

— Поговорю с мужем.

— Только скажите заранее. Я и так всё время объясняю людям, что они поедят немного позднее. Не хочется ещё и кино им переносить.

Филипп слушал, глядя на циферблаты. Он как раз пытался разобрать снятые со стены часы. Теперь их стрелки лежали отдельно, рядом с винтами, и две Верины стрелки на бумаге делали всё особенно насмешливым.

— В субботу? — спросил он.

— Он сказал, в субботу людей больше.

— У нас тоже.

— Значит, один раз попробуем после обычного.

— Это не один раз. Это три программы подряд.

Вера забрала у него бумагу.

— Ты не хочешь?

— Хочу понять, кто будет внизу до конца.

Про Моро они уже научились не говорить «она, наверное, согласится». Спросили в тот же вечер. Моро посмотрела на время, назвала плату за лишние часы и сказала, что после выхода последних зрителей они убирают сами. Вера согласилась. Филипп напомнил о комнате и дочери, но Лида ответила, что прекрасно переночует одна, если перестанут присылать к ней соседку всякий раз, когда возвращаются поздно.

— Я сам могу зайти между показами, — сказал он.

— Папа, я от этого как раз проснусь.

Сошлись на том, что дочь вечером поужинает у соседки, мадам Бурдэ, а спать вернётся к себе. Вера оставила ей записку на столе, хотя всё можно было сказать вслух. В записке были хлеб, молоко и просьба не ставить туфли к самому жаркому месту у печи. Лида прочла и написала внизу: «Дышать разрешается?»

Вера спрятала записку в карман и не призналась мужу, что ей смешно.

* * *

Жюля Мартена привёл Клеман, у которого Филипп доставал мелкие части и оставлял работу, не помещавшуюся на домашнем столе. Клеман чинил электрическое оборудование, собирал вокруг себя молодых людей, которые хотели уметь всё сразу, а потом половину из них отправлял учиться одному делу. Мартену было двадцать три. Он уже помогал в нескольких аппаратных, но не скрывал, что постоянной вечерней работы не ищет.

— Почему? — спросил Филипп.

— Потому что вечером мне тоже хочется жить.

Филипп посмотрел на него с той невольной строгостью, с какой старшие встречают слишком короткий ответ на вопрос, который сами годами обходили.

— А ночью?

— Ночью спать. Но иногда можно за деньги.

Клеман засмеялся и оставил их. Филипп показал машину, попросил Мартена подготовить короткую пробу, наблюдал, не вмешиваясь, пока молодой человек не потянулся к неудобно стоявшей коробке. Тогда всё-таки отодвинул её сам. Мартен остановился и подождал.

— Здесь я обычно держу, — объяснил Филипп.

— Вижу. Я уже переставил бы, если бы работал один.

— Почему?

— Локтем цепляю. Вы ниже меня.

Филипп отступил, посмотрел и признал, что Мартен прав. Коробку перенесли. Дальше работа пошла спокойнее. Молодой человек не угадывал желания хозяина, спрашивал, когда не знал, и не пытался производить впечатление скоростью. Филипп назначил ему первый обычный показ субботы, сам остался рядом. На втором разрешил работать одному, но спускаться в зал не торопился.

Вера поднялась за ним перед началом.

— Ты его нанял или экзаменуешь до утра?

— Всё проверяем.

Мартен не обернулся.

— Я уже могу ещё раз проверить, месье Турчанинов. Пока вы сидите.

Филипп посмотрел на его затылок, потом на жену. Вера забрала его за рукав, как забирала со стула у кассы в первый вечер.

В зале ему досталось место в предпоследнем ряду. Полное кресло, билет, который Вера сунула ему в руку шутя, свободные колени. Он не знал, куда деть ладони. Обычно в это время пальцы обязательно были чем-то заняты; теперь их оказалось слишком много.

Вера села к пианино. Издалека её плечи казались уже, чем дома. Чёрное платье, которое она надевала на показы, хорошо держало спину, но Филипп знал маленькую неудачную складку под левой рукой: Лида подшила там слишком торопливо. Сейчас складка исчезла в темноте, а осталась голая кисть на белых клавишах.

Он не сразу начал смотреть картину.

Вера играла сцену в саду. На экране женщина рвала цветы и оглядывалась на дом; музыка была осторожная, почти смешная, но под каждым возвращением мелодии возникал звук, от которого ожидание становилось тревожным. Филипп знал эту картину целиком. В аппаратной он мог помнить, на каком движении лучше проверить одно, когда будет надпись, сколько времени остаётся до смены. Теперь увидел, что женщина не просто оглядывается. Она пытается расслышать шаги, и Вера оставляет для них место.

Филипп повернулся к проходу, словно хотел кому-нибудь сказать об этом. Буайе сидел через ряд. Рядом с ним была незнакомая пожилая женщина, и он впервые за всё время не разговаривал. Филипп вернулся к экрану.

Под конец части в изображении появилась короткая дрожь. Он выпрямился, потянулся к спинке переднего кресла, собираясь встать. Через секунду дрожь прошла. Мартен поправил то, что надо, сам.

Филипп остался на месте. Ничего страшного не произошло, однако сердце успело забиться так, будто он бросил машину посреди улицы.

В антракте Вера подошла к нему. Спросила, удобно ли сидеть, и он понял, что она тоже заметила его движение.

— Нормально.

— Не надо было тебе давать крайнее место. Встанешь ещё кого-нибудь починить.

Он рассмеялся. Она села на свободное кресло рядом, положила ладони на колени. Только теперь он увидел, как сильно покраснела кожа у правого большого пальца.

— Болит?

— Натирает немного.

— Чем?

— Играет, Филя. Палец играет.

Он взял её руку, не чтобы осмотреть. Просто подержал, пока она смотрела на опустевший экран. Вера не убрала ладонь. Когда наверху дали короткий световой знак, она поднялась, и Филипп остался с ощущением её пальцев, ещё тёплым, точно она ушла не совсем.

* * *

На поздний показ пришли двадцать семь человек.

Перрен привёл девятерых; остальные услышали о затее от Моро, Рено или знакомых. Один мужчина принёс с собой запах жареного масла, двое — холодный уличный табак. У молодой женщины были красные запястья, и Вера подумала о воде, в которой та провела весь день. Люди входили негромко, устало, без привычного оживления выходного вечера. На миг Вера решила, что они просто заснут.

Перрен задержался у кассы, дожидаясь ещё одного повара. Моро не позволила ему удерживать начало: кто опоздал, войдёт тихо. Филипп отпустил Мартена и вернулся наверх. Молодой человек, уходя, сказал, что в следующий раз возьмёт поздний показ, если хозяин оставит ему такой же порядок коробок.

Вера услышала это и улыбнулась. Филипп не услышал: он уже поднимался по лестнице.

Картина началась почти в одиннадцать. Из обычной программы оставили короткую комедию и вторую, более спокойную ленту, которую Перрен не успел досмотреть. Вера заранее выбрала музыку, которую сможет играть, когда руки устанут. Теперь оказалось, что поздняя публика иначе слушает паузы. Никто не торопился получить веселье с первого такта. Люди отогревались, расправляли пальцы, позволяли глазам привыкнуть к чужой жизни.

Первый громкий смех прозвучал от женщины с красными запястьями. На экране служанка, наконец оставшись одна, уселась в кресло хозяев и тут же вскочила, услышав звонок. Женщина смеялась ещё несколько секунд после того, как остальные перестали. Потом извинилась, и кто-то ответил ей: не перед кем.

Во втором ряду мужчина действительно заснул. Его сосед пытался толкнуть его локтем, но Перрен прошептал так сердито, что было слышно Вере:

— Дай человеку. Он заплатил.

Сосед отступил. Спящий не храпел и никому не мешал. Вера видела его откинутую голову в короткие минуты света между частями; в конце он проснулся, потёр лицо и уверенно сообщил, что фильм хороший.

В последней сцене женщина на экране возвращалась по пустой улице. Вера выбрала совсем тихое сопровождение. За спиной не шелестели программы, не перешёптывались. Часы над входом, починенные Филиппом, показали полночь, потом стрелка пошла дальше. Вера подумала, что сегодня впервые слышит, как устают незнакомые люди. Не по жалобам и не по виду одежды — по тому, какое облегчение они находят в неподвижности.

После света никто не вскочил сразу. Перрен потянулся, сообщил, что ему понравилось наконец увидеть конец, и попросил повторить через две недели.

— Через месяц, — сказал Филипп, спустившись. — Пока раз в месяц.

Перрен принял условия без торга.

Моро получила условленную доплату. Вера протянула ей ещё хлеб, оставшийся от их собственного ужина, но та отказалась:

— Мне за работу дали. Хлеб дома есть.

Вера убрала свёрток. Моро попросила в следующий раз предупредить на неделю раньше: ей хотелось пригласить знакомую, тоже поздно заканчивавшую работу.

* * *

Когда все ушли, Филипп обнаружил на кассовой полочке пару очков. Их положили в коробку для забытых вещей. Вера завела её после истории с бутербродом: на следующий день после открытия за свёртком вернулся мальчик и честно признался, что забыл его отец. Очки завернули в чистую бумагу, чтобы не поцарапать стекло.

За уборкой Вера нашла под креслом бумажную кокарду. Подняла, приколотла себе к платью и поклонилась мужу из середины прохода. Филипп посмотрел, улыбнулся и продолжил подметать. Она постояла ещё мгновение, сняла кокарду.

— Что? — спросил он.

— Ничего.

Он поставил щётку к стене.

Вера стояла возле пианино, уже без смешного украшения. Ей было тридцать девять, он знал, когда и где у неё заболела спина, что она не любит сладкую кашу и сердится, если он складывает деньги, не дав им просохнуть после мокрых рук. Всё это знание нисколько не помогало понять, почему она вдруг смотрит на него с почти девичьей досадой.

Филипп подошёл. Взял её за талию. Она не сразу положила руки ему на плечи, но потом положила.

— Здесь ведь музыка должна быть, — сказала она.

— Ты не можешь сразу и играть, и...

— Не могу. Ужасная работница.

Он сделал шаг, она пошла за ним. Под ногами скрипнула доска — не та, что меняли, другая, здоровая, просто старая. Филипп остановился, и Вера засмеялась, прижавшись лбом к его груди.

— Не проверяй.

— Я не проверяю.

— Ты уже почти присел.

Он засмеялся вместе с ней. Они прошли два неловких круга возле экрана, где не мешали кресла. Танцевали без музыки; Вера тихо напевала, не очень попадая в те ноты, которые пальцами нашла бы сразу. Филипп несколько раз наступил ей на край юбки, извинился, потом перестал извиняться, потому что она держала его всё ближе.

В конце он поцеловал её. Вера ответила сразу, горячо, с той нетерпеливостью, которой оба стеснялись в комнате за занавеской. Её пальцы скользнули под ворот его рубашки, и он забыл про щётку, про ящик с выручкой, про завтрашние показы. Прижал жену к себе так крепко, что она отстранилась перевести дыхание и рассмеялась ему в рот.

— Филя, пойдём домой.

— Пойдём.

Он не отпускал. Она ещё раз поцеловала его, потом высвободилась и пошла за пальто.

Пока запирали, оба торопились и делали всё медленнее обычного. Вера дважды возвращалась за перчатками, которые уже держала. Филипп нашёл щётку у экрана и понёс не в тот угол. Они смотрели друг на друга и смеялись, стараясь не шуметь на весь двор.

Дома Лида спала. Свой хлеб съела, печь прикрыла, туфли убрала далеко от жара и поставила возле них записку: «Они тоже дышат». Вера прочла, показала мужу, и Филипп долго не мог развязать галстук от беззвучного смеха.

За занавеской было темно и тесно. Вера сама притянула мужа к себе. На этот раз они не стали ждать, пока комната, соседи и весь город дадут им достаточно места; только старались двигаться тихо и не рассмеяться снова, когда кровать всё-таки выдала их длинным жалобным скрипом.

Глава 7. Чужой рояль

Борис Карев приехал в «Алуэтт» в закрытый день. Постучал, не прочитав объявления, потом постучал сильнее, потому что из-за двери было слышно пианино. Когда Вера открыла, он держал футляр со скрипкой под мышкой, а в свободной руке — пакет булочек.

— Я решил, ты теперь не пускаешь старых знакомых, — сказал он по-русски.

— Старые знакомые читают, что написано.

— По вторникам закрыто. Я и пришёл во вторник, чтобы не ждать до полуночи.

Вера пропустила его. Карев снял шляпу, оглядел двор, затем посмотрел на неё с прежней, немного ленивой улыбкой. Он умел появляться так, будто все прошедшие между встречами месяцы были небольшим недоразумением, для которого не требуется объяснение. Вера знала его ещё по Константинополю, где они несколько раз играли вместе в зале, превращавшемся по утрам в чужую столовую. Он находил тогда работу раньше неё и не всегда сообщал вовремя, когда её переставали оплачивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.